

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Т Р У Д

Орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов

Цена 10 коп.

Суббота, 15 июля 1939 г.

№ 157 (5610)

А. П. Чехов

К 35-летию
со дня смерти

В пьесе Антона Павловича Чехова «Три сестры» есть замечательный пророческий монолог: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро стучит с нашего общества дверь, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку». Теперь, когда это предсказание оказалось давно осуществленным, чеховские образы, бичующие равнодушие, предубеждение к труду, скуку дореволюционной России, продолжают вызывать наши сердца с особой силой. Ведь образы эти созданы рукой первоклассного мастера художественной прозы, воспитателя литературных вкусов многих и многих поколений, чистейшего лирика, обладавшего беспощадно метким взором реалиста.

Лев Толстой не случайно назвал Чехова «Пушкиным в прозе». Необычайное чувство меры, кристальная чистота языка, предельная сжатость художественной формы, великолепная четкость в изображениях характеров и пейзажей — все это обеспечило Чехову виднейшее место в истории русской и мировой литературы. Сейчас стало общепризнанным, что Чехов определял развитие не только русской, но и мировой новеллы. Англо-американские авторы коротких рассказов, современные французские новеллисты, мастера психологической драмы на Западе — все они с особой гордостью называют себя продолжателями чеховской литературной традиции. Пьесы Чехова до сих пор не сходят с помостов русских и европейских театров. Еще в минувшем театральном сезоне с большим успехом прошла в одном из парижских театров чеховская «Чайка».

Особенно велика популярность Чехова в Советском Союзе. Такие классические произведения, как «Человек в футляре», «Палата № 6», «Скучная история», «Степь», «Мелочное», «Душечка», «Прыгунья», широко распространены в массах, и образы, созданные гениальным новеллистом, помогают нам выкорчевывать пережитки капитализма из сознания людей. Чеховские образы, запечатленные в статьях Владимира Изяча. Ленин высоко ценил Чехова и неоднократно перечитывал его рассказы. Весь народ помнит заключительное слово товарища Сталина на XVI партсъезде, когда продолжатели дела Ленина, вождь партии и народа воспользовались образом чеховского Беликова для того, чтобы разоблачить за-

□ □ □

маскировавшихся правых предателей.

В каждой, даже маленькой, новелле, пьесе Чехова читатель ощущает большую, глубоко разработанную и прогматную социальную тему. Произведения Чехова инспируются у нас в кино («Человек в футляре», «Мелочье»), передаются по радио, читаются с эстрады, ставятся в театрах и на клубной сцене. Для миллионного читателя Чехов давно стал своим писателем.

Было время, когда бюрократы критики предсказывали Чехову неодолимый успех и, отождествляя писателя с его персонажами, обвиняли его в отсутствии идей и ярко выраженных идеалов. Чехов всегда возмущался такой параллелью между ним и его персонажами — серыми людьми, впадающими в обывательское болото. Чехов вырос в обывательской среде, но с первого момента своего литературного развития начал бороться с закоренелым мещанским бытом и вышел победителем в этой борьбе. В одном из своих глубоко искренних писем он пишет:

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного,

бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обещать у богатых родственников, лицемеривший богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что по его жизни течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

В каждой новелле Чехова, с беспощадной силой изображающей обывательщину и пошлость, чувствовалась эта «настоящая человеческая кровь» большого писателя, упорно преодолевавшего прерасуды своей среды. Не забудем, что Чехов воспитывался, как литератор, в восьмидесятые годы, в период реакционного царствования Александра III, когда буквально все политические темы были под запретом, когда общественные верхи тогдашней России насаждали по-латински индифферентизм.

Чехов начал писать в юмористических журналах, бывавших затрагивать политическую тему и преимущественно забавлявших обывательскую публику. Шутить можно было на тематиках и личными мужьями, на чревоутолившими кушами, на старыми деньгами, на смазливом кокотизме, на рождественском гусе, на чинопочитании мелочного. Чехов, подписавшийся в ту пору «Антоном Чехонте», сумел даже на этом материале создать произведения большого типического обобщающего значения. Литературная критика той поры недооценивала всего огромного значения ранней чеховской юмористики, сурово клеймившей утилитаризм Пришвиных и той режим, который опирался на них. Тем не менее уже и тогда, в восьмидесятых годах прошлого века, Чехов ни в какой мере не оставался на позициях художника-юмориста, забавляющего обывательскую публику. Он уже тогда ощущал себя продолжателем великих традиций русской литературы. Подобно Гоголю, Толстому, Тургеневу, Салтыкову-Щедрину, Чехов высоко расценивал назначение художника, который должен изображать действительность, не отступая перед суровой правдой.

Чехов не приукрашивал действительности. Он зарисовывал образы своего времени с беспощадной правдивостью. Но он не был художником-натуралистом, которому жизненная грязь застилает глаза. Как художник, Чехов радовался в будущем. Он мечтал стать в ряды писателей, у которых «каждая строчка пропитана, как соком, сознанием пели», которая «кроме жизни, как она есть, чувствует еще ту жизнь, которая должна быть». Изображая обитателей провинциальных закутков России, пришибленных политическим безвременьем обывателей, мелких и крупных чиновников, тупых работников парской юстиции, скаредных лавочников, обездоленных крестьян, спившихся мастеровых, всех этих маленьких людей, угнетенных сознанием того, что «жизнь не удалась», Чехов, во великолепном выражении Горького, прошел «мимо всей этой скучной серой толпы» и красивым искренним голосом сказал: «Скверно вы живете, господа».

Образы Чехова настоятельно доказывали читателю, что так дальше жить невозможно, что эта скверная жизнь должна быть разрушена. Каким образом? Это Чехов, в отличие от своего друга — великого писателя-революционера Горького, не совсем ясно представлял себе. Он неизменно мечтал о том, что жизнь в России будет прекрасна, но его воображение рисовало ему слишком медленные темпы переустройства родины.

Чехов стремился к созданию огромных героических полотен. В одном из писем писатель обещает «вывалить из такой большой пушки, что задрожал бы небеса». Но тут же с грустью добавляет, что для этого ему понадобится не меньше сорока лет активной литературной работы.

Творческая деятельность Чехова оборвалась очень рано. Он умер 44 лет от роду, за год до первой русской революции. Ему не удалось было стать свидетелем побед русского рабочего класса. Не осуществился его мечта о больших героических полотнах. Но и то, что создал Чехов, его короткие рассказы, повести и пьесы останутся в веках, как монументальные образцы художественного слова, осуждающего старый заскорузлый эксплуататорский быт и тем самым превосходящего ту новую жизнь, которая этот быт разрушила до основания.

А. ЛЕЙТЕС.